

Во-первых, возможно, что некоторые записи песен делались не с голоса, а со слов, так как в них воспроизводятся лишь значимые элементы текста. Всякая же запись со слов неизбежно в каких-то местах оказывается лишь конспектом, а не буквальным воспроизведением.

Во-вторых, создается впечатление, что в некоторых местах записывавший «не успевал» за певцом, и тогда естественное движение поэтического текста сбивалось, появлялись ритмические неловкости и прозаизмы.

В-третьих, наконец, могут быть отмечены случаи своеобразного редакторского участия в создании некоторых текстов. Кирша Данилов не занимался мелочной правкой, но он дополнял некоторые песенные тексты более или менее пространными прозаическими частями. Похоже, что делал он это, чтобы усилить историческую и повествовательную содержательность песен, повысить их, так сказать, читательскую ценность. И здесь Кирша Данилов несомненно использует опыт знакомой ему рукописной традиции.

Составитель «Сборника» вообще высоко ценит исторические и историко-бытовые реалии: в текстах, им записанных, масса исторических и псевдоисторических имен, различного рода исторических реминисценций, отголосков действительных событий, отражений реальной географии и т. д. С этой точки зрения «Сборник Кирши Данилова» может выдержать конкуренцию с любым фольклорным собранием. Характерно, что в «Сборнике» решительно преобладает допетровская история. Другими словами, Кирша Данилов опирался на традиционный песенный репертуар XVI—XVII вв. и на еще более старый репертуар былинного эпоса. С точки зрения читательской, в условиях послепетровского времени «Сборник» был в первую очередь средоточием исторической — в полном и широком смысле слова — народной поэзии, он должен был восприниматься как сборник произведений об историческом прошлом, как своеобразная художественная старина. В этом смысле, оказавшись он опубликован в одно время со сборником Чулкова, он и тогда уже — в отличие от этой книги как глубоко и принципиально современной — воспринимался бы как сборник древних песен (или стихотворений).

Еще одно наблюдение, относящееся к работе Кирши Данилова как редактора. В сборнике мы находим в странной, трудно объяснимой контаминации текст былины «Алеша и Тугарин». Невозможно себе представить, что такой текст мог принадлежать одному певцу. Скорее всего собиратель знал два текста с двумя версиями былины. В двух различных текстах былины он увидел фрагменты единого целого, подлежащие объединению. Контаминация внесла в сюжет непоправимое противоречие (получалось, что Тугарина убивали дважды), зато она соответствовала одному из главных стремлений собирателя — усиливала историческую и повествовательную содержательность текста.